
НА ГРАНИ ВЕКОВ

М. ХУДА-ГРАНАТ

ФЕНОМЕН СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ – НОВЫЙ ВИД ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОЙ СВЯЗИ?

XXI в. следует отнести к столетию великого прогресса. В истории человечества трансформация мира никогда не происходила в таком значительном масштабе, а ее объем не имел столь глобального характера. Из лаборатории Силиконовой долины, а также научно-исследовательских институтов и центров непрерывно передают сенсационные сведения о переломных открытиях в области информатики, генетики, молекулярной физики. Внедрения усовершенствований и научно-технологических новинок приводят к увеличению темпа человеческой жизни, а постоянное приспособление к цифровым гаджетам влечет за собой онтологическую трансформацию человечества.

Изменение действительности происходит у нас на глазах, хотя визуально оно и не всегда заметно. В мире, измеряемом сверхзвуковой скоростью или в наносекундах, многочисленные перемены имеют место вне привычного человеческого восприятия. В большинстве случаев они неосознанны. Из миллиона гигабайтов гипертекста до современников доходят только обрывки информации, уже потерявшие актуальность в момент действия. С непревзойденной до сих пор скоростью возникают *новые системы ценностей, новые модели общественных отношений, образцы поведения, новые организации и учреждения* (Kusio 2006: 42).

Автор этой фразы причину современного положения вещей видит в развитии техники, а прежде всего – средств массовой

информации. Он не одинок в своей концепции – теория так называемого *технологического детерминизма* служит фундаментом мировоззрения многих исследователей постмодернизма и массовой коммуникации, в том числе известного эксперта второй из этих дисциплин Маршалла Маклюэна. Этот представитель школы Торонто является одним из авторов технологической парадигмы, подчеркивающей бесспорное превосходство техники, и особенно масс-медиа, в процессе стимуляции и создания преобразований в политических, а также социально-экономических структурах (Płonkowski 2006: 49–50).

В выражении *The medium is the message* (Griffin 2003: 379) имеется в виду, что не только содержание сообщений, но также специфика средств информации, их конкретное воздействие, влияет на форму всех сфер человеческой действительности, полностью изменяя ее параметры. Будучи продолжением чувств и нейронов, достижения технологической мысли разумного существа предоставляют возможность выйти за пределы, связанные с пространственно-временным континуумом, а также с генетическими ограничениями человеческого рода (Przywaga 2004: 144; Płonkowski 2006: 49–50). Они также расширяют мироощущение, изменяя оптику восприятия, в частности интерперсональных отношений. Возникает парадоксальная смена ролей, созданные человеком, вторичные по отношению к его существу инструменты конституируют заново своего изобретателя (Dziedzic 2005: 58; Kierpas 2006: 28).

Безусловно, созданная Маршаллом Маклюэном теория может вызывать сомнения и подозрения в односторонности и радикализме сформулированных положений (так называемый «твердый технологический детерминизм»; см.: Płonkowski 2006: 58). Оспаривая всякое внетехническое родство, она пренебрегает насущными аспектами исторического и общественно-экономического ситуативного контекста. Ее автор не замечает воздействия других значительных глобальных преобразований, связанных с изменениями общественного строя, явлениями хозяйственной и культурной жизни, решениями руководителей государств и организаций (Kierpas 2006: 29). Тем не менее нельзя отрицать, что технологические новинки изменяют вид

всевозможных областей современной жизни. Происходящие технологические изменения являются не столько единственным детерминантом, сколько важным фактором, влияющим на человека более или менее утонченным образом. В качестве примера можно привести средства массовой информации, как правильно отметил французский мыслитель Деррик де Керкхов. Он считал: «... каждый вид СМИ изменяет какую-то часть нашей жизни – образцы нашей коммуникации, труда или развлечения. Сеть изменяет все сразу, и вместе с тем многие другие вещи» (цит. по: Śpiewak 2004: 97).

В настоящее время киберпространство – это важная платформа человеческой активности, и популярные в XXI в. элементы виртуальной действительности: интернет-образование, интернет-работа, интернет-счета, интернет-покупки – все чаще являются альтернативой традиционным видам образования, трудовой деятельности, услуг или развлечений (Kamiński 2000: 12–16; Werner 2008: 28; Lubszczyk 2008: 144). **Возрастает значение Сети для ежедневно принимаемых решений, касающихся уже не только незначительных вопросов покупки новой книги на интернет-аукционе или выбора вида развлечения из богатого набора интерактивных игр и увеселений.** Индивидуальный отбор информации, свободный подбор знакомых в рамках пользования интернет-пейджерами или даже электронная баллотировочная система (интернет-голосование) в значительной степени могут конструировать личность человека, влиять на качество общественной жизни. Этими выборами нельзя пренебрегать, тем более что, как считает В. Вернер, «... события, которые имеют место в Сети, не происходят ни в каком определенном месте, однако следствия этих событий имеют место в реальном, материальном пространстве <...> имеют серьезные общественные и правовые последствия» (Werner 2008: 28).

Именно общественные последствия сетевой коммуникации вызывают больше всего эмоций среди исследователей, занимающихся проблемами развития современных СМИ. Энтузиасты указывают прежде всего на ничем не ограниченную возможность формирования аутентичных сообществ, лишенных пространственно-временных ограничений и ксенофобских

барьеров. В возникших из-за страха дегуманизации катастрофичных прогнозах их противников страшит угроза углубиться в утопию фальшивых миров, которые являются лишь своеобразным закреплением состояния солипсизма и обманывают иллюзией межчеловеческой связи (Hopfinger 2002: 457). Попытка лично высказаться на эту тему требует сравнения традиционных видов коммуникации и их электронных соответствий, а также обсуждения этих свойств виртуальных межчеловеческих отношений, которые доказали бы правоту одной из сторон спора.

Вслед за Маклюэном следует обратить внимание на эволюцию медиа, согласно которой каждое новое средство информации или вид коммуникации не являются отделенной от своих предшественников формой, не обладающей наименьшей точкой отсчета. Наоборот, он дополняет их свойства специфическими элементами (Juza 2004: 119). И хотя умерший в 80-е гг. XX в. канадский ученый не брал во внимание Интернет, можно сказать, что эта рефлексия относится и к нему тоже.

Асинхронические (см.: Włachnio 2006: 225), то есть предполагающие запоздалую обратную связь, способы сетевой коммуникации, такие как e-mail, дискуссионные группы, интернет-форумы или блоги, используют достижения эпохи письменности и печати, являясь современными субститутами «бумажной» переписки или обсуждений на страницах газет. Синхронический же вид сетевой коммуникации, максимально сокращающий время реакции, имитирует традиционные непосредственные разговоры. Здесь можно привести в качестве примера *интерактивные игры*, а также всяческие *интернет-нейджеры*, в том числе ICQ, IRC (ИРЦ) – так называемые чатовые комнаты. К последнему способу установления контакта как к наиболее настоящей и естественной форме коммуникации относится и возможность использования одновременно микрофона и видеокамеры. Применение технологических новинок позволяет придать виртуальному общению видимость встречи лицом к лицу.

Между старыми формами масс-медиа и Интернетом возникает взаимодействие. М. Хопфингер считает, что способы сообщения, типичные для конкретной стадии развития коммуникационной инфраструктуры, просто расширяют набор новых информационных каналов и средств передачи информации.

По ее мнению, Сеть следует воспринимать как очередной этап в сложном процессе развития системы коммуникации (Hopfinger 2002: 457). Многосюжетный и нелинейный инновационный вид коммуникации вводится по принципу не подмены, а, скорее всего, косвенного дополнения (Dziedzic 2005: 186). Он должен охранять от исчезновения формы повседневного общения или формировать благоприятную почву для сохранения этих контактов при возникновении внешних осложнений и ограничений.

Специфичная для сетевой среды пространственно-временная компрессия, которая изменяет смысл понятий расстояния и момента (Barney 2008: 76–77), действительно облегчает связи между родными и близкими, живущими в эмиграции, в другом городе или по состоянию здоровья лишенными возможности выходить из дома. Мало того, можно считать, что отказ от использования этой формы коммуникации в рамках официальной или дружеской переписки обречет людей на отчуждение и общественный остракизм. Это касается прежде всего молодых людей, среди которых 49 % декларируют использование Интернета именно с целью развития ранее возникших знакомств (цит. по: Szpunar 2006: 211). Одновременно, по статистическим показателям, опубликованным в «Gazeta Wyborcza», 19 % пользователей Сети предпочитают именно там знакомиться с новыми людьми и развивать межличностные связи (*Ibid.*).

Это положение вещей порождает критику противников коммуникации с помощью компьютера, обвиняющих ее сторонников в ошибочном отождествлении взаимодействия между сторонами коммуникационного акта с действительной связью между личностями, являющейся только возможным последствием этого взаимодействия (Griffin 2003: 382). Вероятность возникновения углубленного межчеловеческого контакта они воспринимают как фикцию, и об утопическом характере этого явления свидетельствует тот факт, что оно происходит в киберпространстве – виртуальной действительности, в разговорной речи определяемой как нереальная.

Пьер Леви пытается расшифровать выражение «виртуальная действительность» как действительность, у которой отнимается связь с понятием небытия. Он проводит философский анализ термина *виртуальность*, согласно которому она является, как и

актуальность, одним из видов действительности, отличающимся от своей противоположности лишь потенцией существования. По мнению немецкого философа, к телесному наличию не стоит подходить как к элементу определения действительности, и отсутствие пространственно-временных координат не свидетельствует о несуществовании (Levy 2002: 378–389).

В свою очередь Вольфганг Вельш обращает внимание именно на волевой фактор восприятия реальности конкретных явлений, вещей или миров. Он считает, что *«естественность и неестественность – это относительные понятия. Они относятся не к предметам (и лицам. – М. Х.-Г.), но к точкам зрения, перспективам реакции <...> не существуют фальшивые или естественные миры per se, только миры относительно существующие или относительно несуществующие»* (Welsch 2002: 464).

Киберпространство, как и материальную действительность, следует рассматривать в категории условных ценностей, и переживание их как реальной или вымышленной среды зависит от точки зрения конкретного пользователя, его личного восприятия, индивидуального, психического состояния. Среди представителей молодежи, живущей в высокоразвитых странах, наблюдается даже отрицание телесной действительности как настоящей точки отсчета существования. Ей придается производное и неавтономное положение по отношению к виртуальности; она является только продолжением киберпространства (Polak 2004: 195; см. также: Welsch 2002: 473). По мнению этих лиц, сетевые межчеловеческие отношения обладают достоинством неподдельности и не являются исключительно произведением воображения, на грани абстракции и фантастики. Эта точка зрения вытекает из убеждения, что *медиазация существования не приводит к отсутствию жизни* (Dziedzic 2005: 13). За компьютерами ведь находятся настоящие люди, переживающие, чувствующие, существующие, и это именно их эмоции и мысли, записанные в цифровом формате, образуют содержание сообщения (Kuligowski 2007: 171).

Эту уверенность подвергают сомнению критики сетевой коммуникации, которые усматривают фальшивость характеров участников интернет-общения. По их мнению, виртуальные личности скорее воплощают радужные мечты своих собеседников насчет самих себя, представляют собой выражение личных желаний адресата информации и сумму преднамеренных действий

отправителя (Hopfinger 2002: 459). Возможность создавать образ желаемой личности возникает благодаря анонимности и сжатости контакта в интернет-пейджерах ICQ, IRC-чатовых комнатах. Именно эти места встреч считаются наиболее способствующими формированию углубленных человеческих отношений, порождению чувственных увлечений, удовольствий, симпатий и любви (*Ibid.*).

Скептики сомневаются в возможности создания с помощью Интернета настоящего эмоционального сближения между людьми, которые до этого ничего не знали друг о друге. «Любовь с первого щелчка» кажется на их взгляд недоразумением и является результатом идеализации или манипуляции. Ограниченные знания собеседника, состоящие из фрагментизированной информации, отобранной отправителем, а также дефицит невербальных сигналов, связанный с отсутствием телесного контакта, сделают возможным конструирование картины соучастника разговора, опираясь исключительно на наше ожидание. По мнению других людей, этому способствует также факт невозможности сравнения изображения с действительностью или его проверки.

Согласно теории личности, здесь может происходить процесс подсознательного предоставления незнакомому человеку черт, специфических для конкретного типа личности, однако не обязательно подлинных. Иначе говоря, информационные пробелы произвольно заполняются с помощью удобного содержания, и тем самым получается большое количество данных (Aronson *et al.* 1997: 182, 186).

Незнание как внешности, так и характера собеседника способствует образованию импрессионистского представления о соучастнике диалога, являющегося сочетанием человеческих надежд и желаний (Pytlakowska, Gomuła 2005: 86). По мнению исследователей среды чатовых комнат, виртуальная любовь часто заключается в проявлении чувств к выдуманной персоне или отражению душевных нужд личности. Состояние сетевой влюбленности в идеального партнера гарантирует сказочные впечатления (Pytlakowska, Gomuła 2005: 79). Это касается прежде всего лиц, находящихся в кризисе, как молодых, безуспешно ищущих совершенной любви, которая будет вписываться в схему романтической комедии, так и зрелых пользователей Сети,

переживающих горечь расставания или супружеское недовольство (*Ibid.*: 90). Последним интернет-флирты служат компенсацией прежних неудавшихся отношений и шансом избежать других разочарований.

Критики электронной формы коммуникации считают, что подобные убеждения только создают иллюзии выхода из одиночества. В действительности это исключительно уход в заколдованный круг общения с самим собой и увлечение человеком, которого на самом деле нет.

О неподлинном характере сетевого партнера свидетельствует факт возможности сотворения им автопортрета, необремененного нежелательными данными и дефектами (*Ibid.*: 21). Свойственные интернет-контактам анонимность, дематериализация коммуникационной среды, а также задержка ответа формируют благоприятную почву для иллюзии всемогущества в области автопрезентации (Guzowski 2008: 293). Отправитель интернет-сообщений имеет возможность воздействовать на получателя с помощью собственных лингвистических способностей – магии псевдонима и языковых ухищрений.

Отсутствие невербальных сигналов делает возможным создание своей личности, не опасаясь выявления ее неподлинности ненамеренным образом. Физическое расстояние исключает возможность расшифровки истинных намерений отправителя благодаря созерцанию его мимики, жестов и движений тела (Dziedzic 2005: 152). Оно уничтожает также проксемический аспект коммуникации и связанный с ним ситуативный контекст высказывания, то есть влияние окружения, сенсорное восприятие собеседника и расстояние между участниками разговора. Зато отсутствие звука не позволяет узнать интонации слов, тон и тембр голоса (*Ibid.*: 147).

Смайлы, а также подвижные «иконки», так называемые GIF-аниматоры, дают возможность сигнализировать о настроении и эмоциях пишущего, но не являются адекватным субституту «молчаливой речи». Они могут оказаться полезными для преднамеренного и контролируемого влияния на содержание информации, умышленного регулирования эмоционального восприятия (Dziedzic 2005: 169).

Ограничение познавательных возможностей собеседника облегчает экспрессионную манипуляцию, превращая Интернет в

отличное место для проекции «я», полностью соответствующей нашей воле, но не действительности. Свобода в Сети способствует экспериментам по воплощению в избранную персону, которая имеет любой набор черт и козырей. Человек конституирует себя по-новому и, придавая себе новые свойства, вступает в мир удовлетворенной фикции (Plisiecki 2003: 7).

В чатовых комнатах продолжается непрерывная игра в мимирию. По мнению Роже Кайуа (см.: Dzieniakowska 2008: 230), она заключается в постоянном изменении своего образа, надевании костюмов, масок и разыгрывании различных ролей в очередных картинах чатового спектакля. Богатство репертуара зависит исключительно от креативных способностей личности и вытекает из минутного каприза, временного увлечения, мгновенного импульса. Пользователь интернет-пейджеров постоянно общается с личностью типа «инстант», которая возникает один раз и исчезает в момент ухода из сетевой среды (Bomba 2008: 186). Виртуальное «я» является маскарадным, манипуляторским, макиавеллиевским и хамелеонным, имеет признаки изменчивости, плавности и случайности, бывает неопределенным, многоаспектным, гетерогенным, а также фрагментарным (см.: Pytlakowska, Gomuła 2005: 44; Barney 2008: 176).

Теоретически установление связи с эфемерной личностью кажется невероятным. Одновременно возникает вопрос: не представляет ли собой этот вывод чрезмерного упрощения проблемы подлинности сетевых отношений? Наряду с этим возникает вопрос: не является ли восприятие личностей в киберпространстве чистым обманом? Многие исследователи постмодернизма считают, что в эпоху постмодернизма к личности не надо подходить как к определенному, прирожденному и устойчивому состоянию, связанному со стабильным положением и непреложным набором свойств (Barney 2008: 176).

В мире глобальных процессов, исчезающих государственных и этнических границ, в разнообразии явлений общественной и культурной жизни постепенно обесцениваются такие традиционные идентичности, как гражданство или национальность. Биологические факторы, например раса, пол и возраст, а также общественное положение или профессия, потеряли свою приоритетную позицию в определении, кем мы являемся на самом деле (Barney 2008: 176). Д. Барней исходит из того, что в век индивидуализма личность детерминируется персональными вкусами и увлечениями, постоянно проверяемыми с помощью

множества импульсов, которым подвергается человек. Эмансипация «я», его освобождение от власти истории, тела, места проживания, а также динамика изменений окружения принуждают личность к непрерывному формированию своеобразия, выбору следующих вариантов поведения, созданию и пересмотру принятых решений.

Так, поиски собственной идентичности в интернет-пространстве, реализацию личности в фальшивом мире не надо воспринимать как отклонения от нормы, тем более что перед лицом кризиса великих нарративов Прогресса, Разума, Просвещения ее постоянное конструирование кажется нормой постмодернистских будней (*Ibid.*: 28).

Мало того, заблуждением является понимание интернетной и аналоговой личности как противоположных категорий, потому что современность приносит примирение цифровой фикции с материальной реальностью, и «я» на экране и вне его начинает быть одним и тем же. Можно назвать это *рассветом постгуманистического существования* (Bomba 2008: 192). Тем самым пользователь интернет-пейджеров знакомится в сетевой среде с подлинной личностью, а не с ее фальшивой или электронной версией.

Конечно, бывают случаи злоупотреблений, когда используются ложные изображения с целью вызова востребованных реакций (см.: Dziedzic 2005: 109). Однако крайние виды манипуляции – подражание другому лицу или *гендерные изменения* – не являются широко распространенной практикой (Lipińska 2008: 62). На этом специализируются представители молодого поколения, которые хотят экстремальных ощущений, желают получить опыт новых впечатлений и уничтожить скуку повседневности. Думать, что этот феномен является нормой среди пользователей чатовых комнат или дискуссионных групп, кажется большим преувеличением.

Аарон Бен-Зе'ев в своем анализе природы сетевой связи замечает, что обман и сокрытие своей личности не являются целью виртуальных встреч. Большинство интернет-пользователей декларируют откровенность в отношениях к другим пользователям, так же ожидая от них честности. Анонимность не стоит связывать с попыткой сокрытия всяческой информации. Парадоксально, но анонимность считают стимулом к открытости по отношению к

собеседнику и к выявлению фактов из жизни, неизвестных даже близким родственником. Охрана частной жизни невозможностью идентификации создает впечатление безопасности, нейтрализует страх перед нежелательной ответственностью за свои слова. Она позволяет свести к минимуму угрозу отплаты, шантажа или использования информации вопреки воле пишущего (Ben-Ze'ev 2005: 52). Значительный контроль процесса обнаружения своей личности делает возможным постепенное раскрытие партнеру информации о себе и управление этим процессом (*Ibid.*: 54; см. также: Lasota 2003: 62). Важным элементом сетевых встреч является также невидимость диалога двух сторон, которая делает несущественными такие коммуникационные барьеры, как непривлекательная внешность, стереотипы и общественные фобии, застенчивость, или такие дефекты собеседника, как заикание и нервные тики.

Вышеперечисленные аспекты электронного вида коммуникации способствуют сохранению личности в тайне, и Интернет выполняет функцию терапевтической кушетки или исповедальни (Wiśniewski 2005: 49, 54). Участники чатовых разговоров неоднократно становятся свидетелями поведений и мнений, которые просто невозможно найти в ежедневных личных контактах. Существующий в Сети «эффект отсутствия тормозов» приводит к деформации традиционных общественных схем (Ben-Ze'ev 2005: 57). Женщины эпатируют своей сексуальностью, а мужчинам не страшно проявлять слабость и эмоциональную чувствительность. Эгоцентрики являются склонными к актам альтруизма, интроверты, мягкие и тихие люди, иногда демонстрируют агрессию и общую враждебность. Часто обнаруживается мрачная сторона человеческой природы, ее старательно скрываемый перверсивный или грубый вид (Lasota 2003: 63).

Некоторые считают, что в Сети человек является самим собой, здесь он может хорошо реализовать собственное «я», вербализовать и, что важно, исполнять мечты (Pytlakowska, Gomuła 2005: 85, 172). Поэтому сетевой собеседник располагает большим знанием о нуждах и заботах данного человека, чем его жизненный партнер. Кроме того, иногда он знает самые интимные подробности из жизни интернет-знакомого, связанные с ежедневными ритуалами, семейными проблемами и супружеством (Ben-Ze'ev 2005: 72).

Открытость в контактах онлайн может способствовать взаимному эмоциональному сближению и душевной зависимости от сетевого друга. Это позволяет поднять отношения на высший уровень близости и создать основы для развития действительной связи между людьми. Критики электронных средств информации подвергают сомнению возможность существования в сетевой среде какого-либо вида увлеченности. Свою точку зрения они объясняют спецификой взаимодействия в киберпространстве. Они правы, что легкость установления контакта и одновременно скорость его расторжения, а также отсутствие обязательств рождают чувство неустойчивости и неуверенности. Здесь нельзя «запутываться» в углубленных связях, поэтому ощущения в киберпространстве бывают скорее краткосрочными. Однако следует принимать во внимание тот факт, что во время мобильности и обесценивания основных ценностей общественной жизни, например брака или семьи, продолжительность не свидетельствует о качестве дружеских или супружеских отношений.

Кроме того, наблюдение за коммуникацией онлайн показывает некоторую последовательность выбора сетевыми пользователями конкретных веб-порталов и форумов. Многие интернет-пользователи являются постоянными посетителями определенных чатовых комнат и дискуссионных групп, потому что участие в них удовлетворяет основные личностные нужды человека, такие как чувство общественного одобрения, безопасности и поддержки, единства и понимания, наконец, причастности к сообществу (Lipińska 2008: 35, 46–47; см. также: Łukasik, Gellea 2004: 87).

Эгалитарный и неформальный вид сетевых сообществ, и прежде всего чувство свободного участия, способствует получению удовольствия от межличностных контактов. Членство в такого вида интернет-сообществах основывается на общих увлечениях, что делает возможным интеграцию без догматизма и иерархии (Lipińska 2008: 19–20, 23; см. также: Barney 2008: 186). Оно стимулирует приятные психические состояния и в результате этого побуждает к продолжению знакомства, углублению контакта и увлечению жизнью сетевой группы. Восприятие Сети как приветливой среды для формирования знакомства вытекает также из ее либерального, демократичного, достаточно свободного характера, который не ограничивает человеческие отношения строгим этикетом и режимом. Поведение, не ограниченное чрезмерным формализмом, позволяет одновременно выделять из

множества сетевых связей четкую общественную конструкцию и сохранять чувство своеобразия (Pytlakowska, Gomuła 2005: 295–296).

Уровень увлеченности в сетевых связях возрастает и в отношениях между мужчиной и женщиной, которые похожи на формы электронного жениховства, супружества и вдовства (*Ibid.*: 208). Они являются выражением эмоционального сближения с чатовым партнером, вызывают желание подчеркнуть исключительность отношений между интернет-пользователями, показать неподдельность и крепость чувств.

Бен-Зе'ев подчеркивает интенсивность и истинность переживания в киберпространстве любви, которая хорошо вписывается в классическую дефиницию влюбленности (Ben-Ze'ev 2005: 58, 65, 72). Увлеченность партнером бывает очень острой, а разочарование или расставание глубоко задевают, так что это может даже привести к депрессии и самоубийству (Pytlakowska, Gomuła 2005: 191). Небольшую материальную инвестицию в эти отношения компенсирует масса эмоций, которые испытывают обе стороны. Интернет-любовь не является иллюзорной, она может быть неполной и ограниченной внешними факторами, менее устойчивой

и своенравной, но сложно подвергать сомнению ее истинность, а также тот факт, что она удивительно похожа на платоническую или рыцарскую любовь (Ben-Ze'ev 2005: 285).

Одновременно чувство недостаточности сетевых связей способствует тенденции переносить их в ежедневное существование,

а значит, формировать отношения также вне цифрового пространства, в широко понимаемой действительности. *Разговор без говорения, улыбка без шевеления губами и объятия без прикосновений*

(цит. по: Szprunag 2006: 215) временно удовлетворяют человеческую потребность в отношениях с другими и развитие контакта, повышение его качества, требуют материализации и воплощения в реальную жизнь. Процесс изменения формируемого столетиями менталитета и идеи сосуществования с другим лицом происходит медленнее, чем технологическая трансформация, и человек не

всегда пользуется всяческими возможностями, которые дает прогресс.

Фаталистические представления о будущем обществе, по словам Гидденса, *молчаливом и изолированном* (см.: Kwiatkowska 2008: 11), которое состоит из человеческих агрегатов, общающихся исключительно со стеклянным экраном, кажется преувеличением. **Х. Райнголд предупреждает об ошибке обвинения сетевой среды в отчуждении людей, деперсонализации отношений, атомизации общества. Американский исследователь считает, что явление образования так называемой «одинокой толпы» имеет место в реальном мире и является последствием совокупности цивилизационных перемен современности** (см.: Dziedzic 2005: 13; см. также: Szpunar 2006: 212; Juza 2004: 111–112). **Это результат пылкого индивидуализма, распада традиционных ценностей и поступательного исчезновения первичных и вторичных сообществ.**

Сетевая коммуникация, возможно, не виновата в формировании зловещего солипсизма, а скорее является шансом выйти из этого состояния. Общение с другим человеком, даже с помощью электронной связи, может привлечь к развитию личности и улучшению самочувствия данного человека, может делать его жизнь более ценной, способствовать совершенствованию интерактивных умений и таким образом социализировать. Пользователи интернет-пейджеров, если не учитывать крайнего случая интернет-зависимости, неоднократно подключаются к жизни местных сообществ, проявляют большую активность и общественную инициативу, становятся лучшими родителями, партнерами и соседями (Szpunar 2006: 214). Они не обесценивают непосредственных человеческих контактов, не стремятся к элиминации других видов коммуникации, как не делали этого и в случае пользования телефоном или телеграфом. Мало того, 42 % опрошиваемых заявляют, что придают большое значение отношениям в реальной жизни, и 21 % из них считает виртуальные и реальные комплементарные отношения равно важными (цит. по: Stawiska 2008: 249).

Польская исследовательница М. Шпунар замечает, что существование в киберпространстве не является столь поглощающим,

а сетевые связи – столь поверхностными, как многие думают. Они могут на самом деле сосуществовать с другими видами человеческих отношений, традиционными вариантами встреч и разговоров, обогащая только «портфель общественной жизни» новыми знакомствами (цит. по: Juza 2004: 120). Их характер значительно отличается от существующих до сих пор альтернатив человеческой связи, но ведь иной не означает ложный. О реальности сетевых связей свидетельствует прежде всего факт общения с реальным человеком, имеющим тело и личность, которую он показывает более или менее откровенно. Его телесное присутствие по ту сторону монитора гарантирует, что мы общаемся с живым существом, а не только с миром большого разума (Kuligowski 2007: 171).

Рассмотрение морального аспекта Интернета, а также существующих в нем межличностных отношений, обсуждение преимущества или несовершенства сетевого вида коммуникации, его полезности или вредности надо оставить этикам, социологам и экспертам в области средств информации. Ответ дадут только следующие десятилетия, когда инновационная, коммуникационная платформа окрепнет и люди освоятся с новым обликом контакта. Целью этой статьи является исключительно попытка высказаться о возможности существования в киберпространстве действительной человеческой связи. Приведенные мнения различных исследователей по поводу реальности виртуальной среды, специфики современной личности, характера сетевых отношений и эмоций свидетельствуют, что все это на самом деле так.

Р. Стоун выразил мнение, что *Интернет, несомненно, является общественным пространством, в котором люди встречаются лицом к лицу, только нужно по-новому определить понятие как встречи, так и лица* (цит. по: Kuligowski 2007: 156).

Литература

- Aronson, E. Wilson, T. D., Akert, R. M. 1997. *Psychologia społeczna* / przekł. W. Domachowski. Poznań.
- Barney, D. 2008. *Spoleczeństwo Sieci* / przekł. M. Fronia. Warszawa.
- Ben-Ze'ev, A. 2005. *Miłość w Sieci. Internet i emocje* / przekł. A. Zdziemborska. Poznań.

Błachnio, A. 2006. Spotkajmy się na czacie – psychologiczna analiza czatów internetowych. In Sokołowski, M. (ed.), *Definiowanie McLuhana. Media a perspektywy rozwoju rzeczywistości wirtualnej*. Olsztyn.

Bomba, R. 2008. Gry komputerowe: Digitalny instrument tożsamościowej kreacji. In Płonka-Syroka, B., Staszczak, M. (eds.), *E-kultura, e-nauka, e-społeczeństwo*. Wrocław.

Cwalina, W. 2001. Generacja Y – ponury mit czy obiecująca rzeczywistość. In Zasępa, T. (ed.), *Internet. Fenomen społeczeństwa informacyjnego*. Częstochowa.

Dziedzic, B. 2005. *Konstruowanie i rozumienie znaczeń w komunikowaniu mediowanym komputerowo*. Toruń.

Dzieniakowska, P. 2008. «Virtual reality» czy «real virtuality»? Uczestnictwo w świecie czatu internetowego jako sfera aktywności ludzkiej współczesnego człowieka. In Płonka-Syroka, B., Staszczak, M. (eds.), *E-kultura, e-nauka, e-społeczeństwo*. Wrocław.

Griffin, E. 2003. *Podstawy psychologii społecznej* / przekł. O. Kubińska, W. Kubiński, M. Kacmąjor. Gdańsk.

Guzowski, L. K. 2008. E-emancypacja. Przyczynek do krytyki medialnej i intelektualnej recepcji Internetu. In Płonka-Syroka, B., Staszczak, M. (eds.), *E-kultura, e-nauka, e-społeczeństwo*. Wrocław.

Hopfinger, M. 2002. Sztuka i komunikacja. Sygnały zmian całej kultury. In Hopfinger, M. (ed.), *Nowe media w komunikacji społecznej w XX wieku*. Warszawa.

Juza, M. 2004. Internet a tendencje indywidualistyczne w społeczeństwie zachodnim. In Radochonowski, M., Przywara, B. (eds.), *Jednostka – grupa – cybersieć. Psychologiczne, społeczno kulturowe i edukacyjne aspekty społeczeństwa informacyjnego*. Rzeszów.

Kamiński, W. A. 2000. *Globalne społeczeństwo informacyjne, nadzieje, szanse, zagrożenia. Wykład inauguracyjny*. Zamość.

Kiepas, A. 2006. Determinizm techniczny czy kulturowy-człowiek w perspektywie świata wirtualnego. In Sokołowski, M. (ed.), *Definiowanie McLuhana. Media a perspektywy rozwoju rzeczywistości wirtualnej*. Olsztyn.

Kuligowski, W. 2007. *Antropologia współczesności. Wiele światów, jedno miejsce*. Kraków.

Kusio, U. 2006. Według McLuhana, według Kontynuatorów, według krytyków. In Sokołowski, M. (ed.), *Definiowanie McLuhana. Media a perspektywy rozwoju rzeczywistości wirtualnej*. Olsztyn.

Kwiatkowska, A. 2008. Wyzwania komunikacji społecznej w świecie globalnym. In Baryluk, M., Waurzak-Chodaczek, M. (eds.), *Komunikacja społeczna w świecie realnym*. Toruń.

Lasota, E. 2003. Anonimowość przekazu a poczucie wstydu. In Kaczmarek, B., Markiewicz, K. (eds.), *Komunikowanie się we współczesnym świecie*. Lublin.

Levy, P. 2002. Drugi potop. In Hopfinger, M. (ed.), *Nowe media w komunikacji społecznej w XX wieku*. Warszawa.

Lipińska, J. 2008. *Kultura grup dyskusyjnych w Internecie*. Toruń.

Lubszczyk, M. 2008. Nowe media jako czynnik rozwoju społeczno-ekonomicznego. In Płonka-Syroka, B., Staszczak, M. (eds.), *E-kultura, e-nauka, e-społeczeństwo*. Wrocław.

Łukasik, A., Gelleta, K. 2004. Potrzeba aprobaty społecznej jako zmienna profilująca korzystanie z Internetu. In Radochoński, M., Przywara, B. (eds.), *Jednostka – grupa – cybersieć. Psychologiczne, społeczno-kulturowe i edukacyjne aspekty społeczeństwa informacyjnego*. Rzeszów.

Szpunar, M. 2006. *Bliskie więzi na odległość-paradoksalna natura związków online*. In Sokołowski, M. (ed.), *Definiowanie McLuhana. Media a perspektywy rozwoju rzeczywistości wirtualnej*. Olsztyn.

Plisiecki, J. 2003. Wstęp. In Plisiecki, J. (ed.), *Stare i nowe media w procesie komunikacji społecznej*. Radom.

Płonkowski, T. 2006. *Determinizm technologiczny – drugie pokolenie*. In Sokołowski, M. (ed.), *Definiowanie McLuhana. Media a perspektywy rozwoju rzeczywistości wirtualnej*. Olsztyn.

Polak, E. 2004. Wpływ rozwoju naukowo-technicznego na stosunki społeczne. In Radochoński, M., Przywara, B. (eds.), *Jednostka – grupa – cybersieć. Psychologiczne, społeczno-kulturowe i edukacyjne aspekty społeczeństwa informacyjnego*. Rzeszów.

Przywara, B. 2004. Człowiek w Sieci- socjologiczne studium przypadku. In Radochoński, M., Przywara, B. (eds.), *Jednostka – grupa – cybersieć. Psychologiczne, społeczno-kulturowe i edukacyjne aspekty społeczeństwa informacyjnego*. Rzeszów.

Pytlakowska, K., Gomuła, J. 2005. *Zaczatowani*. Warszawa.

Śpiewak, K. 2004. Internet a zagrożenie rozwoju dzieci i młodzieży. In Radochoński, M., Przywara, B. (eds.), *Jednostka – grupa – cybersieć. Psychologiczne, społeczno-kulturowe i edukacyjne aspekty społeczeństwa informacyjnego*. Rzeszów.

Stawiska, N. 2008. *Rzeczywista nierzeczywistość. Czaty, blogi, fora internetowe- nowa przestrzeń komunikacji społecznej*. In Płonka-Syroka, B.,

Staszczak, M. (eds.),
E-kultura, e-nauka, e-społeczeństwo. Wrocław.

Szpunar, M. 2006. Bliskie więzi na odległość – paradoksalna natura związków on-line. In Sokołowski, M. (ed.), *Definiowanie McLuhana. Media a perspektywy rozwoju rzeczywistości wirtualnej*. Olsztyn.

Welsch, W. 2002. Sztuczne raje? Rozważania o świecie mediów elektronicznych i innych światach / przekł. In Hopfinger, M. (ed.), *Nowe media w komunikacji społecznej w XX wieku*. Warszawa.

Werner, W. 2008. Historyczność i środki jej wyrazu. Przeszłość, teraźniejszość i perspektywy przyszłości. In Płonka-Syroka, B., Staszczak, M. (eds.),
E-kultura, e-nauka, e-społeczeństwo. Wrocław.

Wiśniewski, J. 2005. *Samotność w sieci*. Warszawa.